

МИХАИЛ ЧУЕВ

РОМАН С ФИРМОЙ

или ОТСТУПНЫЕ ДЛЯ ДРУГА

Михаил Чуев

**Роман с фирмой, или Отступные
для друга. Религиозно-
политический триллер**

«Издательские решения»

Чуев М.

Роман с фирмой, или Отступные для друга. Религиозно-политический триллер / М. Чуев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831774-3

Россия после «нулевых». Эйфория растущих нефтяных цен и легких денег закончилась. Чиновники допиливают остатки бюджета и прибирают к рукам самые прибыльные куски частного бизнеса. Инструмент передела — «Ведомство» — могущественная силовая структура с кровавыми традициями прошлого, внутри которого зреет заговор против Президента России. (Основано на реальных событиях и секретных оперативных данных.)

ISBN 978-5-44-831774-3

© Чуев М.

© Издательские решения

Содержание

О времени, авторе	6
Глава первая	8
Люда, Ницше, бакен	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Роман с фирмой, или Отступные для друга

Религиозно-политический триллер

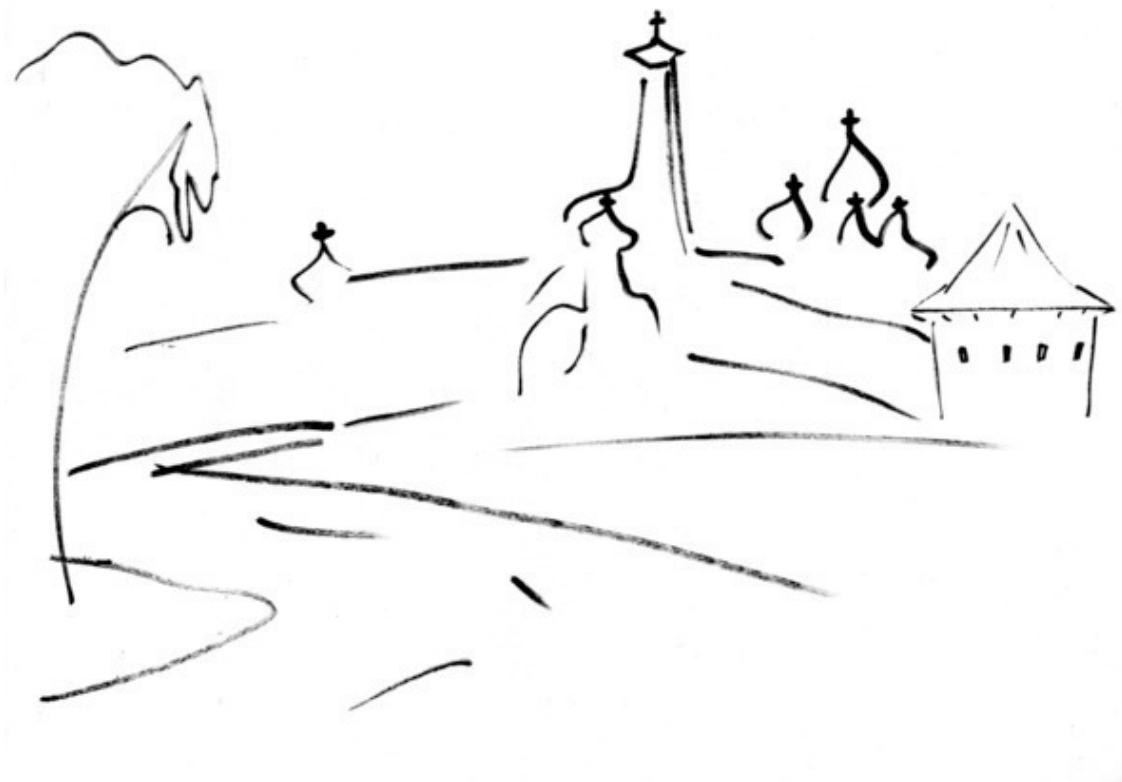
Михаил Чуев

© Михаил Чуев, 2016

ISBN 978-5-4483-1774-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор выражает искреннюю благодарность летнему Михалевскому сообществу (МДУ), а кроме того персонально Грицману Илье, Комарькову Доминику, ресторатору и путешественнику Махорину Андрею, экстремалу и предпринимателю Стко Сергею, а также всем, без кого события не состоялись бы, а свет не увидел бы книгу.

О времени, авторе и его «Романе с фирмой»

«Роман с фирмой» М. Чуева – остросюжетный политический триллер с элементами психологического детектива. Точка. Почему же тогда в подзаголовке значится: «религиознополитический триллер»? В чем его религиозность? Для меня, как священника и читателя, очевидно: Религиозная Мистика (или Воля Провидения) выведена автором в качестве самостоятельно действующей силы. Сила эта не указывает и не диктует, но на протяжении всего повествования предлагает выбор. Тот самый выбор, с которым каждый из нас сталкивается хотя бы раз, и который мы не всегда осознаем. Именно это «подводное» течение вытесняет читательскую мысль за рамки детективного шаблона.

Читая роман, я невольно сам задавался теми же вопросами, что и персонажи «Романа с фирмой». Выбор между долгом и дружбой, законом корпоративной этики и чувством справедливости, между любовью и сиюминутным удовольствием.

Майор Александр Дугин (от лица которого ведется повествование) оказался вовлеченным в коррупционную систему, где специализируется на рейдерских захватах собственности и бизнеса у неугодных лиц. (Особую соль повествованию придают некоторые детали и методы, которые автор – сам в прошлом сотрудник спецслужбы – передает с документальной достоверностью.)

Карьера А. Дугина раскручивается по восходящей, пока очередным заданием («заказом», спущенным сверху) не становится бизнесимперия его друга детства. С этого момента для него это уже больше чем просто расследование. История приобретает сугубо личный характер, и на первый (читательский) план выходят те самые судьбоносные вопросы. Например, где в романе кончается «литература» и начинается сама жизнь? Где заканчивается «образ героя» и начинается прямое «общение с автором»?

Созданный в традиции принципа «писать о том, что знаешь, что пережил сам» (В. Шаламов), роман М. Чуева не только вобрал и зафиксировал чрезвычайно разнообразный внешний опыт автора – студента-либерала 90х, офицера, путешественника и предпринимателя. «Роман с фирмой» – это глубоко личный и в то же время легко узнаваемый срез современной эпохи, сделанный автором как непосредственным участником событий.

Чуев Михаил Юрьевич родился в 1972 году в Москве в семье научных работников.

В 1989 году, на волне либеральных увлечений и перестроечной ревизии истории, поступил в Московский государственный историкоархивный институт. В те годы на кафедре МГИАИ подвизались такие «мэтры» либерализма, как ставшая впоследствии популярной правозащитницей С. А. Ганнушкина, известный медиадеятель Н. К. Сванидзе и конечно легендарный ректор института и депутат горбачевского Верховного Совета Ю. Н. Афанасьев.

Их прозападно ориентированные, облеченные в яркую полемическую форму выступления и семинары сыграли незабываемую роль в формировании взглядов российского студенчества первых постсоветских лет. Гражданскополитическая мысль бурлила в столице, затягивала в свой водоворот, и будущий автор со товарищи не мог оставаться в стороне.

«Мы собирались у кого-то на квартире («на флату»), играли самопальный «гаражный» рокнролл. Потом (через магазин) ехали в общагу, где ночи напролет спорили, обсуждая только что разрешенные книги и «снятые с полки» фильмы. Споры сами собой перекидывались на происходящее в стране, и тогда от слов мы переходили к участию в митингах и демонстрациях. В Лужниках собирались тысячи, десятки тысяч таких, как мы.

Однако вскоре после девяносто первого года события приняли иной оборот. Холодным душем для нас – молодых последователей курса на возвращение в «европейскую семью наро-

дов» – стали шоковая «ценотерапия» от Гайдара, приватизация от Чубайса и расстрел Парламента от Ельцина. «Семибанкирщина» и Первая Чеченская увенчали руины либерального мировоззрения».

Перед лицом таких «реформ» сладкоголосое эхо речей в защиту «молодой российской демократии» поутихло во многих умах. Автор, как и многие думающие его современники, обращается к традиционно русской системе ценностей, к православию, к идее самодержавного (независимого) государственного пути России.

По окончании института (сменившего к тому времени название на РГГУ) М. Чуев поступает на службу в одно из силовых ведомств Российской Федерации. В 1996м заканчивается действующий контракт. Продлевать его он отказывается по принципиальным соображениям. По завершении контракта делает первые литературные наброски мемуарнохудожественного характера о своем опыте службы в «органах» под названием «Моя Система». Факты и их подача оказываются настолько резкими и нелюбезными, что автор вынужден надолго отложить записки «в стол». Сегодня прочитать их можно на личном сайте автора.

С 1996 по 1998 г. М. Чуев работает охранником, таксистом, перебивается случайными заработками. Он погружается в самую что ни на есть простонародную жизнь, по сути сознательно совершает социальный downshifting, что в 90е случалось повсеместно. После женитьбы в 1999 и по 2014 г. М. Чуев работает в разнообразных коммерческих структурах. Путь от коммивояжера до генерального директора и предпринимателя изобилует совершенно новыми впечатлениями, незабываемыми встречами, психологическими перипетиями. Огромный материал для будущих записок «Я там был», написанных в жанре путевых заметок, дала автору работа, в ходе которой за два года он объездил более тридцати городов России. (Не делая далеко идущих избыточных сравнений, отметим лишь тот факт, что подобный опыт имел, например, Н. Лесков, работавший в молодости коммивояжером в торговой компании своего родственника. Сам он впоследствии называл тот период лучшими годами своей жизни.)

Первые публикации М. Чуева состоялись в 2011 году. Апрельский номер журнала «Охота» стал дебютным для автора (рассказ «Первая тяга»), успех начинания продолжил декабрьский выпуск уважаемого литературного журнала «Москва» («Последняя просьба Мурика»). С 2011 г. автор работал над несколькими романами и сценариями. Промежуточным итогом стал «Роман с фирмой, или Отступные для друга» (издательство «Вече», 2016 г.).

Действия документально-художественного «Романа с фирмой» разворачиваются на фоне борьбы за власть между группами элит, ввиду реально нависшей над Россией угрозы госпереворота со стороны спецслужб. В этом – еще одно потайное дно романа-триллера, романа-предупреждения, а возможно, и романа-предвидения.

*Священник, кандидат филологических наук
о. Вячеслав (Гнеденко)*

Глава первая

В которой досрочное повышение в звании главный герой получает одновременно с полит-воспитательной «накачкой» от начальства и новым заданием – отобрать и поделить очередной успешный бизнес. И все бы хорошо, если бы не одно «но»: владелец бизнеса, предприниматель Сергей Головин – друг героя – когда-то в юности спас ему жизнь...

Неоднозначность ситуации нарушает привычное течение «оперативной мысли». Сами собой воскресают необычайно яркие воспоминания о дружбе, которая (вот неожиданность!) и через много лет оказывается сильнее карьеры, денег и, возможно, корпоративного братства.

А главное – побуждает действовать вне рамок и правил. А это всегда – Риск!

– Вы всегда будете нужны России!

Кто, кроме вас, исполнит свой долг также преданно и бескорыстно. В условиях все более обостряющейся международной обстановки, активизации «пятой колонны» внутри страны, кто, если не мы, примет на себя ответственность за судьбу Родины? Кто разоблачит и обезвредит внешних и внутренних врагов?!

Генералы в сочных зеленых мундирах, сидевшие в президиуме у докладчика за спиной, одобрительно закивали каменными подбородками.

– Помня об этом, все последние годы мы делали свою работу незаметно и эффективно. Каждый из нас не ждал иных наград, кроме одной. Спокойствия и процветания родного Отечества. И результаты у нас есть! Приведу лишь несколько примеров.

На этом месте докладчик – полковник Константин Сергеевич Мрачной – сделал внушительную паузу и окинул взглядом зал так, словно хотел заглянуть в глаза каждому сотруднику «Ведомства». Причем не только из числа сидящих в этом зале!

Он уже набрал в грудь побольше воздуха и хотел, не сбавляя темпа, продолжить речь на восходящей волне, но в это время сзади, из президиума, неожиданно раздался храп. Полковник замер в недоумении и покосился через погон. Оказалось, что один из генералов – пожилой лысоватый старичок, в бериевских очках и в седой бороде, закемарил прямо посреди коллегии.

По залу (где среди прочих офицеров находился и я) шелестнул едва слышный смех.

Полковнику, стоявшему на сцене за конторкой, не оставалось другого выбора, как сделать вид, что ничего не произошло и поскорее дочитать отчетный доклад. Он выдохнул, кашлянул, перевернул листы и попытался продолжить с прежним пафосом.

– В течение ряда лет Оперативный отдел при Управлении по экономическим преступлениям собирал неопровержимые доказательства об использовании крупными коммерческими структурами противозаконных финансовых схем. Под видом торговопосреднических сделок через подставные фирмыодноразовки осуществлялись операции по уходу от налогообложения и выводу бюджетных средств в офшоры.

Храп нарастал!

Генералы в сочных зеленых мундирах сидели в президиуме с картинными лицами. А старичокгенерал, свесив голову набок, подомашнему, очень доверительно уложил щеку на золотой погон соседа слева. Тот толкнул спящего в бок, но старик даже не очнулся, лишь поменял положение, переложив лысоватую голову на погон соседа справа.

И продолжал храпеть.

Полковник скривился словно от кислого, сделал глоток воды и закончил почти скороговоркой:

– На основании оперативных разработок (в том числе с использованием внедренных агентов) были произведены обыски, выемки документов и компьютеров. В результате десятки уголовных дел закончились вынесением приговоров, а в казну государства были возвращены сотни миллионов рублей.

Пожилой генерал торжествующе громко всхрипнул, и его снова толкнули в бок. Он качнулся вперед, голова его уткнулась в стол, и он, как к подушке, прижался к мягкому зеленому сукну. Генерал чем-то улыбнулся во сне, пожевал губами и, успокоившись, затих.

Полковник поморщился, сложил листы в папку и стукнул ею о конторку. Жест, которым он хотел подчеркнуть, что хоть и понимает всю комичность ситуации, превращать коллегия в цирк он не позволит!

Покончив с докладом, полковник перешел к самому главному, чего все ждали.

– Теперь разрешите зачитать приветственное письмо к участникам коллегии по случаю славной годовщины «Ведомства»!

Генералы одобрительно затрясли подбородками, и полковник отчеканил вдохновенно:

– От имени правительства страны и всего народа выражаю благодарность руководству «Ведомства», а также направляю Приказ по личному составу о поощрениях, награждениях и присвоениях.

Полковник оторвался от бумажки.

Мы замерли в ожидании, но никаких конкретных имен не прозвучало, и никто не поднялся на сцену для получения наград. Коллегия была закрытой – ни журналистов, ни телевидения; тем не менее, мы – «герои невидимого фронта» – даже в торжественный момент должны были оставаться «невидимыми». Такова уж «ведомственная» традиция!

– Вместе с тем, – продолжил полковник, – каждому из нас надо помнить о необходимости дальнейшего совершенствования своей работы. Следует неустанно бороться с отдельными недостатками и их проявлениями. Надеюсь, вы и впредь будете также достойно и высоко нести знамя государственной службы, противодействовать посягательствам на безопасность страны, пресекать коррупцию!

Полковник пригладил рукой жесткие черные усы, оглядел зал и закончил подчеркнуто негромко:

– Подпись: Президент!

Мы все как один вскочили, и зал потонул в наших рукоплесканиях. И только несколько человек, включая меня, заметили, как при слишком рьяной попытке встать под одним молодым лейтенантом проломилось сиденье, и он грохнулся на пол. Лейтенант поднялся, растерянно и смущенно озираясь, обиженно сложив бантиком пухлые юношеские губы. Но поскольку все вокруг аплодировали, то и он с особенным усердием принялся отбивать ладони, время от времени потирая ими ушибленный зад.

– Господа офицеры! – пробасил со сцены Мрачной, когда аплодисменты слегка поутихли. – Прошу считать коллегия закрытой!

Господа облегченно вздохнули и потянулись к буфету, где уже все было готово к празднованию. Столы накрыты, и бутылки расставлены.

На выходе кто-то из офицеров сказал, обращаясь к товарищам:

– А про Петьку теперь все только и будут вспоминать и говорить: «А! Это тот самый Петька, который на коллегии упал со стула!».

– Да, – поддержал его другой офицер. – Вот ведь как легко у нас «прославиться» раз и навсегда!

– Ничего, главное, что Макар Семеныч выпался!

Уже после коллегии, сидя в своем кабинете и вспоминая о заснувшем генерале и грохнувшимся на пол лейтенанте (смешных случаях, ожививших и разбавивших собой унылый официоз), я не смог удержаться от улыбки. А между тем все было очень серьезно!

На столе передо мной лежал конверт белоснежного картона с золотым двуглавым оттиском. Я распечатал его и прочел («ознакомился с Приказом») о награждении меня почетным знаком «10 лет службы в Ведомстве». А еще в конверте оказались новенькие майорские погоны!

Отложив Приказ, я откинулся в кресле и некоторое время рассматривал лепную розетку на потолке. Оттуда непрерывно велась видеозапись, и очень вероятно, что именно в этот момент за мной наблюдали.

Большие старинные часы в углу, наполовину прикрытые российским триколором, пробили четверть часа. Сверяя время, я перевел взгляд на их колючие черные стрелки. Потом на портрет, висящий прямо напротив меня на стене.

Добрые участливые глаза с легкой хитрецей и отеческим сочувствием. Казалось, они видят все. В том числе любую, даже самую незначительную мелочь, в какой бы точке кабинета (или страны!) она ни находилась. Высокий лоб с залысинами и жесткая волевая линия губ настоящего Лидера.

Именно так – «Новый Лидер Русского Мира» – называли его патриотические СМИ. «Диктатор, склеивающий обломки империи», – отвечали на это либеральные интернетпорталы. Мы в нашем «Ведомстве» дали ему свой псевдоним или, если можно так выразиться, агентурное имя. Мы называли его «Наш Президент».

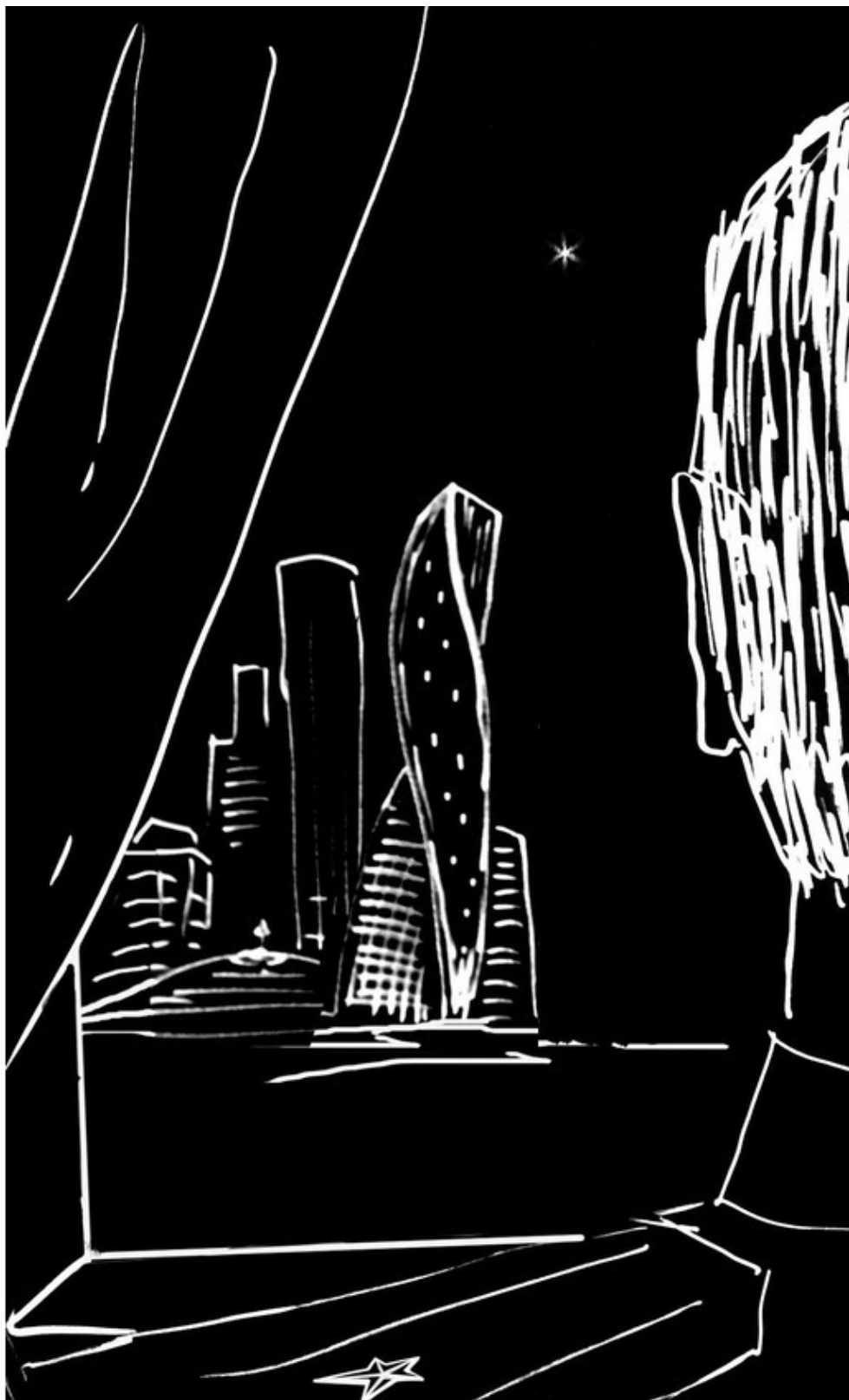
Только что на коллегии нам зачитали Президентское послание. «Наш Президент» поздравил нас с юбилеем «Ведомства», между строк напомнив о непрестом положении в стране (а когда оно в России было простым!) и за ее пределами. Особенно подчеркивалась роль «Ведомства» в борьбе с «пятой колонной» внутри страны.

Сняв форменный китель, я отцепил прежние погоны и прикрепил новые – майорские. Потом, чтобы немного отвлечься, я встал изза стола и подошел к огромному окну.

« – Смотрите, наблюдайте, фиксируйте», – думал я, глядя на желтую вереницу автомобильных огней.

Там, внизу, как раз подавали генеральские «экипажи». Взмыленные гаишники метались, расталкивая одних и освобождая дорогу другим. Раздувая щеки, свистели, тревожа сумрак резкими трелями, крутили жезлами. Из подъезда под руки вынесли так и не проснувшегося Макар Семеныча.

« – Наблюдайте, фиксируйте... Вы и без видеозаписи прекрасно знаете, чем занимался последние три года Оперативный отдел Управления по экономическим преступлениям. Мой отдел. Вы уверены, что знаете обо мне все – отлично! Но и я коечто знаю о вас! Еще неизвестно, чьи знания окажутся весомее, когда перемены постучатся в нашу общую дверь. Ощущение того, что это вотвот случится, буквально висело в тяжелом столичном воздухе...»

Так думал я, стоя у окна и разглядывая Город, а он молчаливо и поощрительно подмигивал мне огнями рекламных бигбордов и неоновых панелей. Растекшийся вечерними огнями внизу, припадающий к гранитному подножию «Ведомства», казалось, он внутренне, заговорщицки был заодно со мной и тайно нашептывал:

– Ты только посмотри на мою роскошь, мою сладость! На те возможности, которые во мне скрыты, на те удовольствия, что я предлагаю! Если в тебе звенит та же вавилонская гармония, то протяни руку и возьми!

И Город был прав! Город знал, что говорил! Последнее время я научился брать от него (и от этой жизни!) всё. Как все!

Тут я заметил в оконном стекле свое отражение: сияющий ряд пуговиц, петлички и главное – новенькие майорские звездочки. Вот они – немые свидетели! Символическое подтверждение заслуг и выслуг!

В нашем Оперативном отделе примерять форму доводилось не чаще двухтрех раз в году. Тем сильнее было впечатление!

Немного помедлив, я подхватил бордовую полу гардины и ее бархатным краем принялся начищать звездочки! Внутренний голос мне подсказывал, что оттереть их до настоящей чистоты вряд ли удастся, однако со стороны мое поведение, должно быть, выглядело как естественный порыв правоверного служаки!

Вот за этим занятием меня и застал начальник Управления по экономической безопасности и мой непосредственный руководитель, полковник Константин Сергеевич Мрачной. Тот самый, что зачитывал доклад и приветствие на коллегии.

– Красиво, – сказал он, взглянув через мое сияющее звездами плечо на вечерний городской пейзаж.

Я и не услышал, как он вошел в кабинет и незаметно встал у меня за спиной. Повернувшись, я улыбкой изобразил на лице скромную вежливость.

– Добрый вечер, Вячеслав Константинович!

– Добрый, добрый! – мы обменялись дежурным рукопожатием. От полковника пахло легким алкогольным душком. После доклада он, как и все, отправился отмечать, но не в буфет с офицерами, а в отдельный випкабинет, где выпивал с генералами. Таков уж был у него в «Ведомстве» особенный, отличительный статус!

– Я смотрю, генерал Дугин, ты, прям как Наполеон, на Москву заришься! – фраза прозвучала насмешливо, «генералом» он меня величал, когда был расположен пошутить. Однако даже в такие моменты в темных полковничьих зрчках не было и намека на добродушие.

– Да нет, я просто...

– Правильно, что просто! А то ведь Наполеон ключиков так и не дождался! А ты ключики находить умеешь не дожидаясь!

– Спасибо за сравнение!

– Не стоит! Вижу, на тебе уже погоны новые. И перечисление на счет со дня на день поступит. Надеюсь, теперь тебе станет проще принять решение? – и полковник сделал нетерпеливое движение, огладив жесткую черную щетку усов.

– Какое именно?

– Я имею в виду вступление в «Народный Путь»!

Общероссийское объединение «НарПуть» стало очередной «придумкой», пару лет назад спущенной из Администрации Президента по согласованию с правительством.

«Народный Путь» изначально декларировался как противовес жирному чиновному «Термитнику» (так у нас в «Ведомстве» презрительно называли коррумпированный аппарат гражданских чиновников). Движение пиарили по всем СМИ как символ обновления и перемен. С этой целью в него сразу постарались затащить всех маломальски успешных и известных людей страны – артистов и музыкантов, спортсменов и журналистов. Однако очень скоро стало очевидно, что никаких настоящих перемен не предвидится, а задача заключается в том, чтобы хоть както приукрасить и прикрыть чужими именами и талантами неприглядный, замаранный в коррупции фасад чиновничьей власти.

Но даже в этом, вполне невинном «косметическом ремонте» «Термитник» почувствовал угрозу и постарался адаптироваться в лучших своих традициях.

В «НарПуть» ринулись вступать чиновники среднего звена, для обуздания appetitов которых объединение вроде бы и создавалось. За ними потянулись чиновники помельче, те, кто хотел продвинуться по службе и хоть на шаг поближе подобраться к бюджетной кормушке.

Фигуры покрупнее вступали в «НП», надеясь тем самым искупить былые грехи, а также заручиться гарантией неприкосновенности на случай будущих.

«Ведомству» из Администрации также назначили негласную разрядку на определенное количество «добровольно вступивших». Ее раскидали по отделам и управлениям. Начальникам нужно было закрыть цифры и отчитаться.

Полковник стоял, пристально глядя на меня и очевидно ожидая ответа.

– Я еще не решил, – сказал я, чтобы хоть как-то отреагировать на слова начальства. – Тем более что вступление в «ЭНПэ», кажется, дело сугубо добровольное?

– Добровольнее не бывает! Если, конечно, нет иных политических предпочтений. Например, к идеям Николая Накольного.

Мрачной пристально уставился на меня. Глаза в глаза.

Если это была шутка, то шутка на грани провокации.

Дело в том, что Николай Накольный – лидер IT-оппозиции, блогер и фрондер – как раз считался идейным лидером той самой «пятой колонны», о которой предупреждал Президент в своем послании.

Накольный регулярно выступал со страниц интернет-порталов с громкими разоблачениями коррупционных «термитных» чиновников. Главный его проект с говорящим названием «РазВал» выковыривал и раздувал подчас весьма жареные факты. Спрос на такую инфу всегда устойчив. Поймав и вспенив нужную волну, Накольный с удовольствием оседлал ее, популярность его в соцсетях взлетела, перекрыв все мыслимые рейтинги традиционных, карманных оппозиционеров. На гребне популярности Накольный инициировал создание КиберЛиберальной Партии. Казалось, он стал настоящим киберЧегаварой наших дней и реальной головной болью Кремля. Но, увы – вся кипучая деятельность Накольного и его партии ограничилась рамками виртуально-гражданского сообщества. Несколько попыток приподнять его паству с диванов не имели успеха. Паратройка жидких митингов да рафинированных стычек с полицией – вот и весь актив!

« – Интересно, – подумал я, – знает ли полковник, что лет десять назад, когда Накольный не был еще Накольным, я встречался с ним? Мы довольно откровенно поговорили и...»

– Дугин, ты здесь? – прервал поток моих мыслей полковник.

– Нет.

– Что? – удивился полковник

– Нет, товарищ полковник, идеи Накольного мне не близки. Лидер он условный и слабый. В нем больше виртуального пара, чем реальной идеи. Уж если рассматривать альтернативные идеи и протестные движения, то... – я выдержал паузу, – то я скорее сочувствую «Русскому маршу».

Полковник дернул носом. Мой ответ прозвучал не менее провокационно, чем заданный им вопрос.

Когда всем (включая власть) стало очевидно, что угроза со стороны либерального крыла не состоятельна, тогда совершенно неожиданно знамя протеста подхватили руки

с другого фланга. С окраин столицы прогремело тысячеголосое «Слава России!». Футбольные фанаты, байкеры, скинхеды, идолопоклонники и прочие «дети пива и улицы» прошли «Русским маршем» до самых стен Кремля и Манежной площади. Их преисполненный пассионарности протест вылился в лозунги: «Вернем Россию русским!», «Нефть народу, смерть чинушам!». Их шествия сопровождались погромами (пока что мелкими) и стычками с полицией (достаточно агрессивными). И это уже были не фэйковые «демотиваторы» и перепосты от ботов! По сути это был тот же античиновничий вызов, который не осилили адепты Накольного. Вызов значительно более решительный и массовый.

– «Русский марш»? – пробормотал полковник сквозь усы. – Ты, случайно, не пьян, майор?

– Ну что вы, товарищ полковник! – поспешил я развеять его сомнения. – Это шутка, конечно!

– У тебя, Дугин, хоть ты и юрист, юмор казарменный!

Полковник вынул из внутреннего кармана резной костяной футляр – «подарок товарищей по оружию», как он сам говорил. Внутри футляра была изогнутая (точьвточь как у генералиссимуса!) курительная трубка. Полковник открыл футляр, любовался. Потом, видимо, решив, что не время, постучал желтым ногтем по дереву, закрыл футляр и убрал его обратно.

Я ждал, что будет дальше. Не за этой же ерундой он пришел. Не ради взаимных шуток на грани фола. Особенно после того, как похвалил работу моего Оперативного отдела (ни много ни мало) на отчетной конференции!

И полковник не разочаровал!

– Неделю отпуска тебе, и займешься вот этим, – и он протянул мне флэшку.

– Есть заняться после отпуска! – отчеканил я и взял флэшку.

– Вопрос твоего дальнейшего продвижения по службе будет напрямую зависеть от результатов по этому заданию.

– Так точно!

– Да, – уже почти закрыв дверь, он задержался на пороге, – про «сугубо добровольное» решение тоже не забудь!

Дверь за полковником захлопнулась, большие старинные часы в углу глухо ухнули изпод триколора. Я снова остался один на один с портретом Президента на стене (но теперь еще и с мыслями о «НП» в голове и с флэшкой от полковника на столе).

Но если со вступлением в «НП» мне все было ясно, то с флэшкой, лежащей передо мной – совсем наоборот.

Я знал, что хороший отпуск всегда удастся не столько после хорошо сделанной работы, сколько перед новой, еще только предстоящей! Так сказать, в ожидании и предвкушении! Поэтому флэшку я вставил тут же и принялся изучать информацию.

Первых файлов мне хватило для того, чтобы понять, что ждет меня после отпуска...

На мониторе замелькали сканированные свидетельства о регистрации, уставы, выписки, балансы. Стандартная бухгалтерская чепуха.

Там же оказались копии прав собственности на промпредприятия, объекты строительства, крупные земельные участки, контрольные пакеты на два порта и несколько лицензий на месторождения. Да, карась, судя по всему, попался жирный!

Далее я нашел кредитные контракты между крупным американским банком и десятком российских компаний. А также «свифтовки» на перевод денег этим самым фирмам. Совсем свежие, не более полугода. А вот дальше.. дальше следы терялись в сложных и запутанных транзакциях, переводах, взаимозачетах и кассовых операциях. Все указывало на то, что подставные фирмы в России набрали кредитов, после чего из оборота ими были выведены сотни миллионов долларов!

И везде, во всех операциях мелькало название одной и той же консалтинговой компании: ООО «Рене Сантис». Именно эта компания (и ее бенефициар) должны были стать «объектом» моего очередного расследования.

Что ж... смысл был понятен. Как говорят в таких случаях, «объект окэшился», и комуто это очень не понравилось. «Ведомству» сделали «заказ» с целью оспорить, разыскать и вернуть деньги. Для этого прежде всего нужно было понять, кому это выгодно. Кто главный выгодоприобретатель, и к кому ведут ниточки.

Сначала я подумал, что комбинатор, который провернул всю эту схему и вывел деньги, скорее всего, уже не в России и достать его вряд ли удастся.

Но тут же сам отбросил свое предположение. Здесь замешан иностранный (американский) банк. Следовательно, скрыться за границей «объект» вряд ли смог бы! Там ведь привлекают только беглецов с деньгами, украденными у Российского государства. А тут ситуация зеркальная. Банккредитор (тем более американский!) нашел бы такого беглеца в любой точке мира в два счета. Адвокаты все отобрали бы и засадили отбывать три пожизненных. Выходит, «объект» остался тут, в России? А в России... ну что он смог бы сделать с такими деньгами в России?! Сидеть и ждать, пока отберут? Отберут как нечего делать! Вот я же после отпуска и начну отбирать!

Для начала найду зацепки, размотаю обвинение (например, в мошенничестве) и наложу арест, а уже потом... Либо он сам отдаст то, что нам надо, и будет счастлив, что остался дышать, либо... суд изымет вообще все его активы («в доход государства на законных основаниях»). В этом я был уверен на сто процентов. И было почему!

Три последних года я был «экономом».

Так внутри «Ведомства» коротко и точно называют служащих Управления экономической безопасности. А, например, сотрудников Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств прозвали «наркоманами». Тех же, кто борется с террором, величают... «террористами».

До перехода в «экономы» я несколько лет прослужил в Центре «Антитеррор». При поступлении в «Антитеррор» сотруднику прописывается новая биография, выдается новый паспорт с новым именем и фамилией. Иногда даже делается новое лицо. (Слава богу, что хоть этого мне удалось избежать!) В новой жизни такого сотрудникафантома не должно оставаться ни прежних друзей, ни знакомых. Так случилось и со мной.

Несколько незабываемых лет, достойных отдельной истории, и вот, после удачного завершения очередной операции, неожиданно приходит распоряжение об отчислении меня из Центра. Наверху посчитали, что я стал узнаваем, что мой «нелегальный» потенциал исчерпан, а организаторский недостаточно востребован и пришла пора это исправить.

Вот так я вернулся из «командировки», снова стал Александром Дугиным, а заодно и «экономом». Переведен я был с повышением и теперь сам руководил целым отделом. Оперативным отделом при Управлении по борьбе с экономическими преступлениями.

На оперативной работе в «Антитерроре» я был как птица в полете – в своей стихии, но... служба есть служба! Я постарался убедить себя, что мое новое назначение – это и есть нынешний передний край обороны страны, и проходит он теперь именно тут – в экономике, финансах. Что тут потребуются и новые знания, и компетенции, которых на тот момент у меня, прямо скажем, было немного. А значит, будет интересно работать, в том числе и над собой...

Все оказалось иначе! Знаниями, конечно, пришлось овладевать. И навыками – тоже. Но какими и для чего!

С самых первых месяцев (достаточно неожиданно для меня самого) все начало складываться удивительно удачно в пользу моей новой карьеры. Я быстро освоился и в довольно

короткий срок стал настоящим профи. Мало того. Приступая к разгадыванию сложных экономических ребусов и увлекательных финансовых головоломок, я ловил себя на том, что испытываю настоящее вдохновение и подъем! По всему выходило, что я нашел свое истинное призвание, ставшее своего рода реинкарнацией оперативного таланта, но уже на более тонком (почти на научном) уровне.

И дела шли! У меня они получались крепко (а подчас и безупречно) сшитыми.

Обычно бюрократической госмашине справедливо приписывают неповоротливость и тугоумие. Но тут все вращалось настолько легко и гладко. В моем распоряжении находится весь арсенал средств. Налоговая инспекция, финансовый мониторинг, судебные приставы, если надо, даже пожарные! И конечно, полиция и «ведомственный» спецназ – везде были люди, так или иначе помогавшие мне в работе. Моей задачей было скоординировать действия этого многоуровневого и разнокалиберного механизма (вовремя расставить всех по нужным местам, получить необходимые сведения, заключения экспертов и т.д.). С тем, чтобы в конце концов, на выходе, судье (иногда все же доходило и до суда!) оставалось лишь утвердить вердикт и назначить наказание.

Конвейер крутился безостановочно!

И только пару лет назад я наконец начал понимать, что все, кто так или иначе помогают мне в работе, имеют на то один интерес: свой, личный, шкурный! Что все вместе мы осуществляем циничные и наглые рейдерские захваты эффективных бизнесов, а лично я отвечаю за оперативное и юридическое обеспечение и координирую силы! По сути, возглавляю работу по переделу собственности в интересах... Впрочем, в чьих конкретно интересах мой отдел исполняет эти «заказы», мне (на моей ступеньке в коррупционнопищевой цепочке) знать не полагалось. Так же как не полагалось знать, кто всю эту систему организовал. Ну а догадки, как говорится, «к делу не пришьешь».

А чтобы всякого рода сомнения, возникая, не мучили, поощрения, медали, льготы сыпались с завидной регулярностью.

И конечно, деньги! Деньги поступали из специального внебюджетного фонда на мой номерной счет, что позволило в короткий срок приобрести квартиру в престижном, экологически чистом районе и «Ягуар» последней модели.

«Венцом успеха» стало сегодняшнее упоминание с «высокой трибуны» и внеочередное звание.

Считал ли я свою нынешнюю работу «эконома» аморальной? Видел ли в ней некую сделку с совестью? Признаюсь: за три года подобного не испытал ни разу. Мои «подопечные» в большинстве своем бизнес создавали не с нуля и зачастую даже не сами. Как правило, в прицел попадали «приватизаторы» девяностых, чиновники нулевых и прочая «коммерческая нежить». Жалеть их, отбирая у них награбленное, у меня не получалось. Не получалось, особенно когда я вспоминал рядовых работяг, учителей, инженеров – тех, кто оказался за бортом и снесенный мутным потоком, голодал, болел либо попросту спился и умер в крошечной нищете. Как, например, мой отец...

Я имел возможность отказаться практически от любого дела, если бы посчитал нужным так поступить. Но за три года ни разу этим правом не воспользовался.

Итак, возвращаясь к флэшке. В той последовательности действий, что вырисовывалась, для меня не было ничего необычного. Удивляло другое. Повторюсь: во всех делах подобного рода (что до сего дня попадали в разработку) в офшоры, за рубеж перегоняли наши, русские, бюджетные деньги! А тут... Тут некто сделал ровно наоборот!

Крайне непонятное, нестандартное решение, по всей видимости, его автор (и мой новый «объект») и сам такой же... как про таких говорят – «большой оригинал»!

Но кто он – этот главный выгодоприобретатель и комбинатор?!

Данные по комбинатору и бенефициару – учредителю «Рене Сантис» – я нашел на флэшке в самом низу электронного каталога. Читая, я старался выглядеть равнодушным профессионалом. (Надеюсь, камера запечатлела меня именно таким.)

Часы снова напомнили о времени и о себе.

Закончив, я запер флэшку в сейф. Копировать с нее чтолибо, а тем более выносить за пределы «Ведомства» было запрещено.

Впрочем, мне этого и не требовалось. Основное я запомнил и так, и дело теперь было не в какихто мелких деталях и подробностях. То, что я увидел, требовало от меня принять решение принципиально иного порядка. Сделать это нужно было прежде, чем предпринимать какиеето дальнейшие шаги. Определиться самому.

« – Сделать это будет совсем нелегко!» – подумал я, снимая с себя форменный «ведомственный» китель и рассеянно, на автомате, вешая его поглубже в шкаф.

Потому что после отпуска я должен был приступить к «разработке» бизнеса и изъятию активов у моего друга детства Сергея Головнина.

Именно его ФИО и остальные данные я нашел в третьей папке. Головнин Сергей Андреевич, год рождения 1972, Москва, гражданство РФ. Ну и так далее. Учредитель компании «Рене Сантис». Именно на него (и на его компанию) передал мне досье полковник. Только что, прямо накануне отпуска.

Во внутренний двор я вышел уже в сером гражданском костюме и выехал со стоянки надежно спрятавшись (как от дождя, так и от любопытных взглядов) за тонированными стеклами служебной машины.

Я не спеша выруливал по центру от одного переулка к другому. Самым лучшим способом продумать и «прокачать» ситуацию, сейчас для меня была именно такая незамысловатая карусель.

Я крутил и крутил руль то в одну, то в другую сторону, но чем дальше, тем движение все больше и больше вставало в глухую пробку. В надежде ее объехать я свернул в переулок – выезд из него оказался перекрыт. Тогда я сдал назад, развернулся, проехал через двор, но и это не помогло. Покрутившись, я окончательно заехал в какойто «ведомственный» тупик, заглушил мотор, выключил габариты и закрыл глаза.

Я попытался представить, как после отпуска возвращусь с далеких южных островов. Загорелый, белозубый и посвежевший, уставший от наслаждений и изголодавшийся по работе. Как, подготовившись, нагряну юридическим смерчем в Серегин офис.

«Вот так встреча! – скажет друг – Серега! – Сколько ж лет мы не виделись!» – и, улыбувшись, протянет руку. А я в ответ протяну ордер.

Вот на этом месте у моей фантазии пробки выбило окончательно! Свет разума померк, и картина погрузилась во мрак. Придется, видимо, сразу после отпуска сдать полковнику флэшку, объяснив все как есть. Пусть поручит это расследование другому (странно, что это дело вообще ко мне попало!). А может, это все подстроено, чтобы я вот так прогнозируемо отказался и тем самым навредил своей карьере? Может, настала пора сливать меня из «экономов» и переводить еще куда? Вопросы, вопросы!

А сам Серега! По известным причинам, я его лет восемь не видел. Каким он стал за это время?

Это сейчас я его представляю таким, каким запомнил со дня крайней нашей встречи: строящим и созидающим, энергичным и преуспевающим, все еще голодным до успеха предпринимателем. Но ведь был в жизни моего друга совсем иной период – полнейшего равнодушия и цинизма, показного нуворишества, вызванного свалившимися на него шальными деньгами, когда он сходил с ума от того, что «нечего больше хотеть». А еще раньше – когда нам

было по шестнадцать и мы оба только начинали поиски себя и своего места в жизни – какие горячие споры и стычки случались у нас с ним! Как в поисках истины мы перетряхивали наследие веков и мудрецов: от Конфуция до анархистов. А ницшеанство Серега так и вовсе возвел в ранг системы мировосприятия и практики. С его помощью взрастил и развил в себе те самые способности, которые и привели его к успеху, со всей очевидной силой и одновременно уязвимостью этого итога.

А еще, несмотря на все перипетии и противоречия (несовпадение точек зрения, бурное общение с последующими перерывами по несколько лет, столкновения на почве влюбленности в одну и ту же девушку и даже драка изза нее), несмотря на все это, я по сей день попрежнему считал Серегу своим другом.

Ведь когда то он (без преувеличения) спас мне жизнь.

И тут же – воспоминания: нахлынули одно ярче другого! Тело томилось в припаркованной машине, но я уже не замечал. Отпустив настоящее, я мысленно погрузился в теплый разноцветный прилив – в прошлое.

Люда, Ницше, бакен

С Серегой мы познакомились, когда нам обоим было лет шесть или семь. Я жил с родителями в тихом провинциальном городе, на летние каникулы приезжая погостить к бабушке Тоне (маминой маме) в подмосковную деревню.

Однажды, цветущим летним утром, баба Тоня сказала, что в домике, который стоял далеко в глубине яблонего сада (она называла этот домик «пунькой»), будет жить семья.

– У них мальчик твоих годов, – сказала бабушка ставя передо мной тарелку с «любимой» манной кашей. – Познакомьтесь, будете вместе играть. Вдвоемто повеселее!

Они приехали дня через три: спортивный энергичный мужчина, его жена и их сын – Сережка. Между нами, как мы тут же выяснили, было всего полгода разницы, и мы мгновенно сдружились. С того дня наша «летняя» дружба возобновлялась каждый сезон. Всем, кто хоть раз снимал в *Михалево*, место это нравилось настолько, что съезжать или подыскивать что-то другое никто и не помышлял.

И было отчего!

Михалево стояло на возвышенности, а еще точнее – на полуострове. Канал имени Москвы огibal деревню с трех сторон, с четвертой подступало необъятное поле, и сразу за ним начинался лес. Через лес в деревню вела единственная дорога, напрочь разбитая тракторами. Проехать по ее заболоченным рытвинам на легковой машине было в принципе невозможно. Кроме как на тракторе или бульдозере, сделать это можно было только на мотоцикле или велосипеде, то и дело слезая и обходя непролазную грязь. Однако эти мелочи никого особенно не беспокоили – личное авто в те годы считалось недоступной роскошью.

Тем более, что существовал другой, более романтичный способ связи с «материковой» цивилизацией.

Лодки!

Лодки были у каждого. Массовые дешевые легкие «фанерки», старые просмоленные дощатые «деревяшки», дюралевые клепаные «казанки» со следами нескольких слоев краски. У двухтрех зажиточных соседей, зачаленные возле их мостков, на волнах покачивались затянутые выгоревшим брезентом настоящие моторные катера.

В Михалево иметь лодку было насущной необходимостью. Переплыть, перевезти, наловить, отдохнуть – за что ни возьмись – все так или иначе соприкасалось с водой. Просторы системы водохранилищ местами могли соперничать с разливами Волги, и без лодок было никак не обойтись.

Нам с Серегой было уже лет по 12—13, когда мы брали старенькую дедову «казанку» и, воображая себя пиратами, на веслах отправлялись «открывать» заросшие лесом, «необитаемые острова». Для нас это был особый мир – мир исключительно наших приключений, где не было места взрослым.

В течение нескольких лет подряд, на три летних месяца, Сережка становился для меня самым близким другом. С ним в компании таких же мальчишек мы резались в пингпонг на соседней турбазе, прыгали в стог сена с крыши сарая, устраивали тайники в поленнице дров, открывали штаб на чердаке, где строгаги из досок самострелы. В компании пацанов всегда найдется один, кто будет вечно что-то изобретать, предлагать новое, обустроить внутри компании особый микромир и утверждать правила. С таким заводилой можно не соглашаться, спорить и даже драться, но всегда он будет увлекать других своими безудержными фантазиями, подкрепленными фонтаном кипучей энергии. Вот таким и был Серега.

Он первым придумал всей компанией ходить на пристань встречать «Ракету» – скоростной рейсовый теплоход и второй (не менее романтичный!) способ регулярной связи с Москвой.

«Ракета» приближалась к пристани, замедлялась, крылья ее уходили под воду. С шипением и сухим стуком о черные резиновые отбойники она пришвартовывалась к пристани. Мы уже ждали. Грохотал трап, люди сходили на берег, одни с рюкзаками и гитарами, другие с сумками-тележками и зонтиками. Матрос убирал трап, взревев сиреной, «Ракета» отчаливала.

И вот тогда мы прыгали с пристани в образовавшиеся от винтов водовороты. Занятие было настолько же захватывающим, насколько и опасным. Девчонки (наблюдавшие за нашими подвигами с пристани) визжали и разбегались, когда кто-нибудь из нас, выныривая, бросал в их сторону плоскую речную мидию.

В их вечно хихикающей и шепчущейся стайке выделялась одна – загорелая темноволосая Люда. В свои тринадцать, с почти сформировавшейся фигурой, через пару лет она расцвела неотразимой красотой. Люда мне нравилась той привлекательностью, которую мальчишка впервые, с удивлением для себя, обнаруживает в соседской девчонке. Она, девчонка эта, еще прошлым летом была просто товарищем по играм в пингпонг или в войнушку, а теперь что-то внутри взбудораживается, когда ты видишь, как она заходит в воду в своем новом, открытом, как у взрослых, купальнике. Как останавливается и мягко проводит ладонью вниз по бедру, повторяя его плавный изгиб, а потом, подняв руки и обнажив подмышки, перехватывает волосы резинкой.

– Ну хватит тарашиться, давай ходи, – нетерпеливо толкает в плечо сосед Мишка. Ты рассеянно кроешь козырного короля шестеркой под возмущенные реплики друзей.

Игра уже не интересна. Коекак дотянув до проигрыша (буркнув что-то типа:» – Ну и жара, идем купаться?»), ты встаешь с полотенца и, лениво пожевывая травинку, не спешно спускаешься к воде. Еще немного ждешь, чтобы она отплыла достаточно и никто не смог помешать. И вот пора!

Разбежавшись, ты врезаешься в воду, обдав все вокруг веселыми радужными брызгами. Плынешь, догоняешь, ныряешь, подныриваешь и возникаешь из глубины прямо рядом с ней, тем самым пугая ее (или она просто делает вид, что испугалась?). Ночью ты вспоминаешь, как догнав и (будто бы случайно!) столкнувшись, прикоснулся к ее плечу и даже скользнул рукой ниже. А она хоть и отпрянула, но глаза! Глаза ее поощрительно улыбаются! И ты засыпаешь с этой сладкой мыслью и еще с той, что завтра на том же месте снова увидишь ее...

Сергея (я видел) испытывал чувства, очень схожие с моими, хотя и тщательнейшим образом это скрывал. А вот скрыть от чужих цепких глаз то, как внезапно расцвела и соблазнительно преобразилась Люда, было невозможно. Некто третий заметил и воспользовался быстро и конкретно.

– Даже не думайте, пацаны! – сказал както сосед Мишка, перехватив наши взгляды вслед загорелой фигурке с роскошной гривой волос. – Костян на нее глаз положил!

– Да ладно!

– Зуб даю!

Мишка – первый (как и его бабка, тетя Маша) носитель и распространитель деревенских новостей редко ошибался. Что вскоре и подтвердилось со всей очевидностью. Костян – парень старше нас лет на пять, металлист и байкер, к своей черной бандане с черепами, проклепанной «косухе» и трескучей «Яве», он вскоре добавил еще один «аксессуар» в виде загорелой фигурки, с развивающимися на ветру волосами, прильнувшей к его спине. Нам оставалось лишь смотреть им вслед и глотать пыль изпод колес, когда «Ява» на скорости пролетала через деревню.

После этого Люда, и так выделявшаяся на фоне остальных девчонок, както резко и окончательно выпала из общей стайки. Девчоночья ревность к чужой красоте и успеху намного сильнее и жестче мальчишеского соперничества!

Нам же с Серегой (на фоне такого персонажа, как Костян) до Людиного интереса или внимания сразу стало также далеко, как только что научившемуся плавать до красного бакена посреди водохранилища.

Так казалось нам, пока мы были мальчишками.

Минул еще год, за ним другой, кончилась школа, а с ней и школьные каникулы, мы сдали экзамены, поступили и стали студентами. Серега – на престижном факультете МГУ, я – на юрфаке в гораздо более скромном вузе.

И вот очередным летом мы с Серегой снова встретились в Михалево. Дело было в июле, мы оба только что сдали сессии и перешли на второй курс.

То лето запомнилось на всю жизнь. Оно было последним, когда казалось, что наши с Серегой жизненные ниточки так и будут бежать, разматываясь и переплетаясь неразрывно, как это было все последние годы. Что несмотря на превращение из детей в юношей, мы и дальше будем каждое лето как будто вновь возвращаться в детство, с которого началась наша дружба. Однако уже очень скоро стало ясно, что перемены взросления необычайно ярко отразились на нас обоих, и прежде всего на моем друге. Они, перемены, пролегли между нашим «вчера» и «сегодня» невидимым, но вполне ощутимым барьером.

Серега приехал в Михалево один. То есть без родителей. Заплатил за два месяца вперед и, как взрослый, заселился в незабвенную «пуньку».

Само по себе это уже было невероятно круто! Слух об этом сразу же достиг всех, включая девчонок. И, конечно, об этом узнала Люда.

Мой друг больше не нырял с пристани потехи ради – для него это было слишком подетски. Романтические посиделки допоздна с гитарой на пристани его также больше не интересовали. Гитару он даже в руки не брал, сказал, что забросил. Да и всю свою компанию товарищей по играм и развлечениям (компанию им самим когда-то вокруг себя собранную!) он также забросил (другого слова было не подобрать). Из всех друзей исключение было сделано лишь для меня, и только меня Серега приглашал к себе домой, то есть в «пуньку».

Атмосфера и обстановка в его комнате вполне были в духе нечаевских анархистов или народовольческих героев Достоевского с небольшой поправкой на век нынешний. Стол завален книгами, карандашными и яблочными огрызками, чашками в желтых кофейных подтеках. Спал Серега в спальнике, положив под голову чистое вафельное полотенце, обедать ходил на турбазу, словом, старался быть максимально независимым от каких бы то ни было навязанных извне обстоятельств. От людей вообще и от родителей, в частности. А поскольку в Михалево они не появлялись, то выходило, что на все лето он был фактически предоставлен самому себе. То есть свободен!

В продолжение свободы от внешних докучливых бытовых обязанностей и обременений, мой друг и внутренне весь был во власти свободомыслия. Да что там, он и был само свободомыслие!

Кроме магнитофона, кипятильника, универсального ножа и зубной щетки, он привез с собой рюкзак, полный книг. Бакунин, Кастанеда, Р. Бах, еще какие-то авторы, которых я уже позабыл. Но главное и основное – это был «Заратустра» Ницше.

Книги Ницше, тогда только-только перестали быть запрещенными, и он – скончавшийся в безумии немец – мгновенно вошел в моду. Весь МГУ (по словам Серегина) взалхлеб зачитывался ницшеанскими творениями, а сам Серега и вовсе мог часами рассказывать о том, что означает тот или иной тезис из «Гибели Богов» или «Заратустры».

– Одиночество и самоуглубление! – Вот истинные друзья мудрости, – вещал мой продвинутый друг, тыча пальцем в изрядно зачитанное издание в оранжевом переплете.

Мы сидели в почти насквозь продавленных старых креслах. Книги в беспорядке громоздились на столе, словно льдины на реке при весеннем ледоходе. Лицо Серегина лишь наполовину выхватывал из темноты дрожащий отсвет керосиновой лампикоптилки, вторая половина: нос,

скула и глаз, – тонула во мгле. С электричеством в деревне в тот переходный год часто возникали перебои.

– Если хочешь понять себя и сделать свою волю главенствующим фактором – уйди от толпы! Толпа сама приходит к сверхчеловеку, не наоборот. Поэтому истинный Бог не Христос, позволивший толпе распять себя. Истинный Бог – ты сам! Конечно, тогда, когда поднимаешься над обыденностью, над толпой. Но на пути к этому сидит огромный старый дракон.

– Чегочего?

– Страх! Липкая скользкая змея, веками гнездящаяся в извилинах и передаваемая с почетом от поколения к поколению! Посмотри вокруг, у большинства в глазах что?

– Что?

– Страх!

– Да ладно!

– А ты присмотришься!

Вот, например, у меня есть родственник – дядя Илья. Инженер от Бога! Любой мотор, механизм, телевизор, да что угодно найдет на свалке, притащит в гараж, разберет, разложит по полкам, неделю над ним пошаманит и снова соберет. И оно начинает работать!

Я говорю:» – Дядя Илья, почему ты фирму не откроешь? Деньги заработаешь, иномарку купишь, за границу съездишь. Ведь разрешили!»» – А зачем мне? Я лучше так...»

И бочком, бочком в свой гараж... и дальше там копошится.

А у самого (я же вижу!) в глазах страх.

Так вот моя цель – убить в себе самые мельчайшие ростки этого наследственного, посконного страха!

– И Ницше способствует?

– Да. Когда я читаю, перечитываю, вникаю в текст, то чувствую, как воля моя прямотаки наливается силой. А жизнь смыслом.

– И в чем же он – твой смысл?

– Воспитать, взрастить в себе ницшеанского сверхчеловека!

– Ну а дальше, дальше что? – пытался докопаться я до сути.

– Если совсем кратко, то мне это нужно для того, чтобы не затеряться в толпе себе подобных, а сделать это можно, только перестав быть как все!

– Понятно. Сам до этого дошел?

Сергея улыбнулся и вместо ответа протянул мне книгу в оранжевом переплете.

С «Заратустрой» он почти не расставался. Казалось, даже ел и спал с ним. И все же, для меня и тут было допущено исключение.

Смыслы и впрямь были противоречивы, и далеко не со всем из прочитанного я был согласен.

Например известный афоризм о женщинах: «Идешь к женщинам, не забудь плетку». Мне, с детства воспитанному на женских образах, воплощенных в прекрасных античных статуях и фресках Ренессанса, было дико это читать. С другой стороны – «Да будет женщина игрушкой, чистой и изящной, словно драгоценный камень». Это мне нравилось больше, хотя и в корне противоречило «плетке». В самом деле: зачем подходить с плеткой к драгоценности? Но все очевидные противоречия меркли перед идеей сверхчеловека и его воли к власти! Воистину, трудно было юному уму не попасть под обаяние мистических химер, начертанных рукой гениального безумца!

Сергея както признался, что иногда (особенно зачитавшись до поздней ночи при хмуром свете лампыкеросинки) он начинает верить в то, что сам Ницше со страниц книги тренирует и закаляет его дух.

Так, по крайней мере, он сказал однажды утром по пути на «пляж».

«Пляжем» в Михалево называлась полоса скошенного луга, вытянувшаяся вдоль водохранилища и вплотную примыкавшая к воде. Особую «пляжность» этому месту придавало не илистое (как в большинстве подмосковных водоемов), а песчаное дно. Чтобы попасть на «пляж», нужно было пройти сквозь густой массив акаций, разросшихся между деревней и водохранилищем.

Мы приходили туда практически каждый день. А еще, как говорил Серега, «для тренировки „физической воли“», бегали по утрам по желтой грунтовой дороге, покрытой трещинами спекшейся на жаре глины. Обычно после весеннего таянья снегов и коротких, бурных летних дождей дорога раскисла и тогда в ее глинистой жиже вязли грузовики. Но в тот год июль выдался сухим, и дорога держалась.

И вот в один из дней, искупавшись после пробежки, мы лежали на полотенцах на берегу. «Ракета», похожая на огромную белую акулу, скользила бесшумно вдали, приподняв нос и став на подводные крыльяплавники. С берега было видно, как на поднятых ею волнах красный бакен раскачивается под крики растревоженных чаек.

– Ничего не напоминает этот бакен?

Я подумал секунд пять и сказал:

– Он думает, что совершает отчаянно смелое странствие по волнам. А сам завис и торчит на одном месте. Ни вперед, ни назад.

Серега хмыкнул одобритительно – намек он понял.

– А я думаю, он – этот бакен, похож на мечту. Недостигаемую для большинства. Надо иметь крылья, чтобы приподняться и попробовать достичь.

Крылья – это смелость души. Обретая смелость – обретаешь сверхсвободу. Свободный, ты становишься сверхчеловеком! А это уже первая ступень к власти! Но вот тутто и возникает самая большая загвоздка!

– Какая же и в чем?

– Не хочет душа избавляться от страха. И разум вторит ей, сопротивляется на генетическом уровне, на подкорке! Но если удастся преодолеть эту преграду, откроются невиданные перспективы. Мир изменится.

– Да ладно!

– Возникнет совершенно новое общественное устройство. Социальная гармония и миропорядок, основанный на чистом, ясном законе. Простом и очевидном, как яблоко, упавшее на однуединственную голову, но положившее начало всей физике. Это будет благодатная власть. Не манипуляция, а освобождение и высвобождение энергии сознания.

– И как все эта гармония будет выглядеть на практике?

– А так: бесстрашные сверхчеловеки, элита чистого разума управляет остальным обществом. Разве не идеал?!

– И себя ты, конечно, видишь в первых рядах этих сверхчеловеков?

Серега усмехнулся загадочно.

– Для начала нужно хотя бы встать на первую ступень. Изжить в себе страх.

– Чтото все это мне очень сильно напоминает. То ли секту, то ли... не знаю даже что! Недаром Ницше в итоге попросту лишился рассудка.

– Икар тоже упал, поднявшись в небо первым. А сейчас мы, не задумываясь, летаем самолетами. Не падаем, и голова на месте.

– Я о другом, о попытке воплотить идеи Ницше в реальности. О сверхчеловеках и их вождах.

Мы помолчали, и Серега сказал через паузу:

– Да, действительно, Гитлер считал Ницше своим кумиром.

– Вотвот.

– И что с того?! Нет, Сань, даже не сравнивай! Послушай: атом начался с бомбардировок Японии, а сегодня он – один из столпов мирной энергетики. Биохимия началась с бактериологического оружия. А сегодня аграрные химудобрения кормят полземли. Так и с идеями Ницше. Можно на их основе построить тоталитарную диктатуру, а можно государство всеобщего благоденствия.

А ты говоришь, Гитлер.

– Ладно... а что же с властью нынешней? Ее куда?

– Тут все совсем просто! – воскликнул Серега, воодушевленно. – Ты посмотри, кто сейчас у руля! Ничтожества, у которых трясутся руки при любом серьезном движении. Власть им нужна меньше, чем женщина старику. Вернее, они – эти политические и моральные старцы – не нужны власти. Она сама от них вотвот уйдет!

– Тогда о чем беспокоиться? Если думать, что все само произойдет?

– «Падающего подтолкни!» Чем быстрее мы встанем на новый путь, тем будет лучше для всех нас.

Мы принялись горячо обсуждать, сопоставляя самые острые факты из новейшей и прошлой мировой истории. Спорили вслух, открыто, без опасений. Время изменилось: открытость, прогресс, демократия! Всевидящее око «большого брата» ослепло, гнилой фундамент идеологии рассыпался окончательно и бесповоротно, и нам – молодым гражданам слабеющей и умирающей империи – катастрофически не хватало источника новой силы. Необходим был новый, твердый и мощный «философский камень». Как в головах, так и под ногами. Нащупать его самостоятельно было ох как трудно и оттого особенно увлекательно.

Мы так увлеклись нашим спором, что едва расслышали звонкое щебетание и солнечный многоголосый смех. Я обернулся. Стайка девчонок (впрочем, уже скорее девушек!) в купальниках и с полотенцами вышла из зарослей акаций на тропинку, ведущую к «пляжу». Бледные и загорелые, длинноногие и пухленькие, брюнетки и крашенные перекисью... словом, на любой вкус!

Но не бешеное разнообразие прелестных форм и грациозных линий приковало мое внимание, а то, что, непринужденно перебрасываясь фразами, вместе со всеми мимо прошла Люда.

Побросав полотенца и скинув вьетнамки, стайка ринулась в воду, подняв брызги и визг. А я краем глаза отметил, что Люда не пошла со всеми, а легла на полотенце, рассыпав на лицо черные кудри, подставив солнцу лопатки, поясницу, точеные икры и нежные розовые пяточки.

Серега перевернулся на живот и закрыл глаза.

– Идешь к женщинам, не забудь плетку! – пробормотал он сквозь жаркую полудрему.

Я угукнул в ответ и отвернулся.

И вдруг:

– Саш, идем купаться, – негромко позвал знакомый голос.

Я даже не сразу понял, вернее, не сразу поверил своему слуху. Для чего-то даже коротко зажмурился, а когда открыл глаза, Люда уже стояла метрах в десяти, по колено в воде. Стоя спиной ко мне, грациозно подняв согнутые в локтях руки, она тем самым неотразимым жестом из моих снов перехватила гриву черных волос и закрепила их на макушке резинкой.

Я сел на полотенце. Стараясь не выдавать возбуждения, сорвал травинку и нервно сунул ее в угол рта. Покусывая сухой стебелек, я исподволь продолжал гладить взглядом стройную фигуру от впадин голых подмышек, перехваченных тонкой полоской купальника, к гибкой талии и ниже, к двум прелестным соблазнительнозагорелым округлостям. Когда я дошел до бедер и точеных икр, Люду окликнули подружки, и она побежала к ним, легко преодолевая сопротивление воды, оттолкнувшись, легла грудью на волну и поплыла. Девчонки, смеясь, всю плескались и резвились, будто стайка мальков на мелководье. Люда присоединилась к их

глупой и веселой возне. Я ждал. Когда через минуту она как бы невзначай отделилась от подруг и поплыла вперед и в сторону, я выплюнул травинку, встал и не спеша вошел в воду.

Сергеа хмыкнул вслед.

« – Хмыкай, хмыкай!» – ответил я мысленно и поплыл за Людой, держась от нее на расстоянии и как бы сам по себе.

Люда плыла все дальше, и я бы легко мог догнать ее, но мне было интересно, как далеко она намерена заплывать и, главное, что за этим последует. Ясно было, что она не просто так позвала меня купаться и сейчас неспроста оторвалась от стайки подруг. Неужели хочет остаться наедине со мной, подальше от берега.

Зачем?!

– Как вода? – спросил Серега, когда я вернулся и упал на полотенце с блаженноидиотской улыбкой.

– Неплохо, – выдохнул я, как мог, сдержаннее, хотя изнутри меня всего так и распирало.

– Счастливчик, да, – взглянув на меня констатировал Серега. – Тебя сейчас видно насквозь!

– Да и пусть.. А мне она нравится, и у нас вечером с ней свидание!

Повисла пауза.

Сергеа молчал, вид у него был слегка озадаченный. Мне он чемто напомнил компьютер, проглотивший нестандартный массив информации. Не удивительно, ведь ему Люда тоже нравилась!

Паузу нарушил неизвестно откуда взявшийся Мишка.

– Пацаны, Сань, – буркнул он, плюхаясь в траву рядом. – Слышали новость: Костяна на 15 суток замели. Будто бы за драку.

Мы с Сергеей на мгновение замерли, уставившись на него.

– Аххаха! – Серега хлопнул меня по колену. – Ну вот все и встало на место!

– Не знаю, что у вас и где встало, а только имейте в виду: Люда – чикса Костяна!

– И что теперь, в одной реке с ней не плавать?

– Плавай где хочешь, только лучше не связывайся с ней! Костян за последний год в большом авторитете стал. Банду вокруг себя собрал «Ночные ястребы». В Якшине у них свой гараж на окраине. Мотоциклы по всем соседним районам воруют, разбирают, и все им сходит. Его старший брат крышует – опер по нашему району. А сам Костян с ножом «бабочкой» в кармане всегда. Не исключая – на нем уже кровь есть..

Мы молча слушали. Конечно, все знали, что, Костян – крутой тип, с которым лучше не связаться в проблемы. Но чтобы все было настолько жестко...

– Что молчите, не знали? Ну так будьте в курсе. И пальтесь осторожнее. Ладно, я пошел. И Мишка исчез так же внезапно, как и появился.

– Ну, что скажешь? – Серега вновь откинулся на полотенце.

– А что я должен сказать..

– Костян на нарах, хвост на улицу – очень поженски.

– Да, и я ее понимаю!

– Неужели?

– Ты же не знаешь! Костян, эта свинья, угрожает ей. И даже на пристань прийти, просто посидеть вечером с нами она боится! Представляешь?!

– Она так сказала?

– Да! То что его замели, для нее как отдушина.

– Ясно. Ничего нового. Страх... страх везде!

– А! – махнул я рукой. – Думай, как хочешь, тебя не переубедишь.

– Понятно. Значит, свидание?

– Угу.

– Смело.

– Спасибо.

– Впрочем, пока Костян сидит, можно, риск минимальный.

– Повторяю: думай, как хочешь!

Помолчали. Ракета прошла в обратную сторону, раскачав на волнах далекий бакен.

– А спорим, – с расстановкой сказал Серега. – Спорим, что не придет?

– Кто?

– Она!

– Это почему?! – воскликнул я с возмущением и удивлением (даже на локте приподнялся).

– Она тебе пообещала?

– Ну... да.

– Не придет! Вот увидишь. Спорим?

– Давай! На что?

Серега подумал и сказал с откровенностью, которой я ну никак не ожидал.

– Если Люда не придет, ты не будешь мне мешать ухаживать за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.